

ДЕТЕКТИВ

ЖИТЬ ЖИЗНЬ

18+

Андреа Форе

Жить жизнь

<https://litres.ru/74683742>

SelfPub; 2026

Аннотация

После девяти лет отношений Эмилия расстается с любимым человеком и увольняется из детского центра, которому также отдала внушительную часть своей жизни. Казалось бы, что еще может пойти не так? Но жизнь распоряжается иначе. Пропажа ребенка из детского центра заставляют Эмилию иначе взглянуть на знакомые лица. Обычные сообщения становятся поводом для подозрений, а прошлые разговоры приобретают новый смысл. В попытках понять, что произошло, Эмилия все чаще сомневается в том, кому и чему нужно доверять.

Андреа Форе

Жить жизнь

Глава 1, Глава 2

Жить жизнь

Идея написать эту книгу стала реальностью благодаря моему любимому человеку – Арсению. Я давно мечтала об этом, но не верила, что смогу. Его поддержка помогла мне решиться и начать писать.

В этой истории мне хотелось поговорить о том, как легко потеряться в собственных страхах, жить прошлым и ждать, что однажды все изменится само собой. Мы откладываем трудные разговоры, не замечаем свою боль и порой надеемся, что другой человек сделает нас счастливыми.

Я верю, что даже из самой тяжелой ситуации можно искать выход. Иногда для этого нужна помощь, иногда – время, а иногда первый честный разговор с собой. Главное – не откладывать свою жизнь на потом, замечать то, что требует перемен, и быть готовым работать над собой.

Глава 1

Воскресенье. 20 июля. Эмилия

На часах было одиннадцать вечера. Сегодня мы с друзьями решили провести вечер в баре, который находится в самом центре города. И, пожалуй, впервые за долгое время мне действительно был нужен этот вечер.

Повод для встречи был более чем весомый. Вчера я уволилась из детского центра для малоимущих семей, где проработала семь лет. Семь лет за смешную зарплату, бесконечную усталость и полное отсутствие времени на себя. И все же именно сейчас я чувствовала странное облегчение. Казалось, впервые за долгое время можно было хотя бы на несколько часов перестать думать обо всем и просто расслабиться.

Я любила своих десятерых маленьких сорванцов. Пять дней в неделю они были главным смыслом моей жизни. Но работа с детьми оказалась куда тяжелее, чем я представляла когда-то. Иногда я настолько выматывалась, что даже забывала смыть макияж перед сном. Времени на себя практически не оставалось. Порой мне самой хотелось почувствовать себя ребенком – тем, о ком заботятся, кому позволяют совершать глупости, кого укладывают спать днем и просто

любят без всяких условий.

Наверное, это желание появилось неслучайно: у меня никогда не было настоящего детства. Когда мне исполнилось семь лет, умерла мать. Со временем воспоминания о ней почти стерлись. Меня воспитывал отец – военный, строгий, требовательный, убежденный, что самостоятельность и дисциплина важнее любых нежностей. Моими игрушками были швабра, сковородка и учебники. Он научил меня быть сильной, стойкой и ответственной, но так и не научил тому, что такое беззаботное детство.

Возможно, именно поэтому я и выбрала работу с детьми. Мне хотелось хотя бы ненадолго прикоснуться к тому миру, которого сама была лишена. Дарить любовь и заботу, видеть искренние улыбки, слышать детский смех, радоваться первым победам. Мне всегда казалось, что если хотя бы одному ребенку рядом со мной станет немного легче, значит, моя жизнь прожита не зря. Но даже самое любимое дело не спасает от выгорания.

Постоянная усталость и финансовые трудности постепенно сделали свое дело. В какой-то момент я поняла, что больше не справляюсь. Возможно, мне действительно нужен перерыв. Год. Или два. Чтобы снова научиться жить для себя, а потом уже думать о будущем. Хотя о будущем сейчас размышлять было особенно трудно.

В пятницу мы расстались с Марком. Мы были вместе девять лет – с одиннадцатого класса. Почти вся моя взрослая

жизнь прошла рядом с ним. Он никогда не спешил говорить о свадьбе, о детях, да и, если быть честной, со временем мы оба начали понимать, что наши дороги постепенно расходятся. Ценности менялись, разговоров становилось меньше, ссор – больше. И все чаще мы чувствовали себя не влюбленными, а просто очень близкими друзьями. Иногда мы даже смеялись, рассуждая о том, какие люди подошли бы каждому из нас на самом деле. Наверное, уже тогда все было очевидно.

И все же я не могу сказать о Марке ничего плохого. Мы действительно любили друг друга. Просто однажды поняли, что любви уже недостаточно, чтобы продолжать идти одной дорогой. Так что сегодняшний вечер я встретила безработной, одинокой и совершенно растерянной, но рядом были мои лучшие друзья, любимый бар и несколько свободных часов, когда можно было наконец перестать думать обо всех проблемах. Сегодня мне хотелось только одного – поднять бокал, выдохнуть и хотя бы ненадолго почувствовать себя свободной.

Пятница. 18 июля. Эмилия

— Эм... Ты правда не понимаешь, что сейчас говорить о свадьбе и детях – слишком рано? Мы живем в съемной квартире. Нам едва хватает денег, чтобы просто нормально существовать. О какой семье может идти речь, если мы до сих

пор не можем позволить себе даже чувство стабильности?

Я смотрела на него и почему-то замечала то, на что давно перестала обращать внимание. Темные, почти черные кудри, которые он опять не успел подстричь. Зеленые глаза. Нос с небольшой горбинкой и острый подбородок, сейчас упрямо поднятый. Все знакомое до мелочей. И от этого говорить было только труднее.

На нем была свободная футболка, поверх – расстегнутая рубашка с закатанными рукавами. Марк всегда одевался так, будто вышел из мастерской за кофе и собирался через пять минут вернуться. Вещи немного мятые, удобные, с каким-то своим характером. Когда-то я шутила, что для работы со старой мебелью необязательно выглядеть человеком, у которого дома есть проигрыватель и три одинаковые клетчатые рубашки.

Спортом он не занимался. У него было обычное, от природы ладное тело и сильные руки – это я знала лучше всякого взгляда со стороны. Сейчас он сцепил эти руки перед собой, и мне хотелось, чтобы он просто протянул одну из них ко мне. В его взгляде оставалось что-то наивное, почти растерянное. Марк не был жестоким. Я знала, сколько в нем доброты. Только в этот вечер от этого знания почему-то не становилось легче.

— Нет, Марк... Мне кажется, это ты не понимаешь. Мы вместе уже столько лет. Разве этого времени было недостаточно, чтобы понять, настоящая ли наша любовь? Я ведь не

прошу пышную свадьбу с сотней гостей. Мне не нужно дорогое платье или роскошный банкет. Я просто хочу перестать чувствовать себя человеком, который стоит где-то рядом. Я хочу стать частью нашей семьи не только на словах. Хочу знать, что у нас действительно есть будущее. Хочу чувствовать себя увереннее.

Я на секунду отвела взгляд и тихо добавила:

— Неужели я этого не заслужила? А дети... Да что теперь о них говорить. Если ты даже своей женой меня не видишь...

Марк тяжело вздохнул.

— Я понимаю, правда понимаю. Но для семьи нужен ресурс. Деньги, силы, время. А у нас этого сейчас нет. Мы будто застыли на одном месте, Эм.

Он потер переносицу, словно пытаясь подобрать слова, которые не причинят еще большей боли.

— Ты приходишь домой глубокой ночью. Постоянно живешь работой. Все время возишься с детьми, которые, если быть честным, даже не твои. Я уже не помню, когда мы последний раз просто проводили время вдвоем. Помнишь наш единственный выходной? Я хотел пригласить тебя пообедать, а ты весь день убиралась, одновременно объясняя какой-то мамаше по телефону, почему у ее дочери жидкий стул. Ты настолько растворилась в чужих проблемах, что даже не услышала меня.

Я грустно улыбнулась.

— Да. Я далеко не идеальна. И никогда этого не отрицала.

Но почему ты делаешь вид, будто проблема только во мне? Ты хоть раз подумал, что я остаюсь на работе до поздней ночи именно ради нас? Ради того самого будущего, о котором ты сейчас говоришь? Думаешь, мне легко?

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Может быть, тогда тебе самому стоит найти работу, где платят больше пятидесяти тысяч? Или ты снова скажешь, что реставрация старой мебели – твое предназначение, а мне этого никогда не понять?

Марк опешил. Несколько секунд он молчал.

— Да... возможно...

Он опустил взгляд и с трудом произнес:

— Но знаешь... Мне кажется, я и сам перестал понимать тебя.

Каждое следующее слово давалось ему все тяжелее.

— Думаю... нам стоит какое-то время пожить отдельно. Просто немного выдохнуть. Побывать наедине со своими мыслями. Может быть, только так мы сможем понять, что происходит с нами. Боюсь... другого выхода я сейчас не вижу.

Я коротко усмехнулась. Усмешка вышла болезненной.

— Отлично, Марк. Просто блестящая идея.

Я медленно кивнула.

— Тогда можешь начинать собирать вещи прямо сейчас, раз решение ты уже принял. Хотя... есть одна маленькая проблема. Новую квартиру за пять минут не найдешь. Или ты настолько не хочешь находиться рядом со мной, что готов

уйти хоть этой ночью?

— Зачем ты так? — устало спросил он. — Я не пытаюсь сделать тебе больнее. Я просто ищу хоть какое-то решение.

Пауза.

— За квартиру не переживай. Я поживу у сестры. Она меня примет. Завтра утром соберу вещи и уеду. А сегодня... наверное, посплю на диване в гостиной.

Я лишь молча кивнула.

— Хорошо. Тогда я заварю ромашковый чай.

Я уже направилась на кухню, но остановилась у двери.

— Ты будешь?

Впервые за вечер он ответил почти шепотом.

— Да... Спасибо. Нам обоим сейчас не помешает немного остыть.

Мы сидели на кухне друг напротив друга. Между нами стояли две кружки с уже почти остывшим ромашковым чаем, а в воздухе висела тяжелая, почти осязаемая тишина. Никто не пытался ее нарушить. Каждый был слишком занят разговором, который продолжал звучать внутри собственной головы.

Я снова и снова прокручивала каждую фразу, каждый взгляд, каждую паузу. И чем дольше молчала, тем яснее понимала одну простую вещь.

Кажется, сегодня я потеряла не просто любимого человека. Кажется, сегодня я потеряла часть самой себя.

Суббота. 19 июля. Эмилия

Сегодня я проснулась позже обычного. Наверное, стресс и ромашковый чай заставили мой организм спать дольше. Прodelав свои обычные утренние дела, я вышла в гостиную и заметила, что Марка не было дома, он ушел. Навсегда.

На комод лежала записка:

«Эм, я заберу комод чуть позже. Пока пусть остается у тебя. Если тебе что-нибудь понадобится – звони.

Р. S. Я подумал, что коту будет лучше с тобой. Марк».

Я прочитала ее с накатывающими слезами на глазах, а кот Персик как раз начал тереться об мои ноги, выпрашивая утреннюю порцию еды. Накормив кота и приведя себя в порядок, я решила отправиться в кафе неподалеку и еще раз обдумать произошедшее, возможно, за чашкой крепкого черного кофе все в голове разложится по полочкам.

Придя в кафе, я повстречала знакомого официанта, с которым мы иногда беседуем, конечно, он не мог не заметить мой вялый вид и наконец спросил:

— Эм, дорогая, что случилось?

Недолго думая, я рассказала ему о том, что произошло, ведь сейчас он был единственным, с кем я могла поговорить:

— Жень, понимаешь, мой мир начал разрушаться. Вчера мы сильно повздорили с Марком, точнее, повздорили так, что разошлись. Сегодня он собрал все вещи и уехал. Пони-

маешь, я думаю, что дело правда не только в том, что мы остыли, но еще и в моей постоянной занятости, он был прав, я вечно на работе и чувствую, что застряла в этой бесконечной беготне. Я привыкла помогать другим, совершенно не помню, когда жила для себя.

Возможно, мне действительно стоит подумать о том, чтобы дать себе время восстановиться и пожить так, чтобы мне не приходилось вечно исключать свои интересы.

Женя посмотрел на меня с некой досадой, его взгляд был окутывающим, печальным и, как мне показалось, немного тревожным.

— Эм, не пойми меня неправильно. Ты часто приходишь по утрам сюда за кофе. Я вижу твою усталость, твои синяки под глазами и вечно измучанное лицо. Если ты хочешь услышать мое мнение – я считаю, что ты могла бы действительно взять паузу от работы на некоторое время, не убивать же себя ради счастья других.

И Женя сказал правильную вещь, к тому же у меня было немного накоплений, на «черный день», как сказал бы мой отец, поэтому, допив свой черный кофе, я приняла решение о том, что нужно написать заявление об увольнении и заняться своей личной жизнью.

— Спасибо, Жень, за кофе, да и за все.

Я оставила Жене чаевые, собрала вещи со стула и направилась напрямик к детскому центру, надеясь на то, что Лидия Антоновна – директор детского центра, еще будет на ме-

сте.

Воскресенье. 20 июля. Денис

— Простите, девочки, немного опоздал, ну вы же меня знаете.

Лилия

— Да, мы все тебя прекрасно знаем, хватит болтать, садись, у нас тут есть интересные новости.

Денис

— Что случилось?

Лилия

— Я так понимаю, вечер обещает быть веселым.

Денис

— Вы обе можете не томить?

Эмилия

— В пятницу мы расстались с Марком. А вчера я уво-

лилась с работы. Как будто жизнь решила зачистить все разом, чтобы не оставлять ничего недосказанного. Теперь у меня есть кот, съемная квартира, которую я одна не потяну, и очень много вопросов без единого ответа. И, наверное, самое неприятное — ощущение, что все, во что ты вкладывалась, в какой-то момент просто перестало иметь смысл. Не знаю, что говорят в такие моменты. Наверное, ничего. Такие новости.

Денис

— Ты сейчас не шутишь? Честно говоря, я даже не знаю, какая новость меня удивила больше: о твоём расставании или об увольнении. Объясни, что случилось? Почему два таких решения были приняты почти в один день? Ты точно все обдумала?

Эмилия

— Я не знаю, сложно сказать. Марк сказал, что нам нужно пожить отдельно, возможно, нам просто нужно время. А работа, я думаю, что давно пора было, в конце концов мне следует начать думать о себе, быть может во мне откроется новый потенциал, к тому же я уже давно не видела отца, думаю, что мне хотелось бы провести его, кто знает, как скоро я могу лишиться последнего родного мне человека.

Лилия

— Эм... Мне кажется, ты все сделала правильно. Не знаю, нужны ли тебе сейчас какие-то слова поддержки – иногда они только раздражают. Но ты знаешь: если тебе понадобится помощь, мы всегда рядом. Кстати... Кажется, я знаю, кто может помочь тебе с жильем. Мы с Денисом не так давно говорили о переезде, и, если я ничего не путаю, в общем чате бывших одноклассников Дениса кто-то прислал объявление о том, что ищет человека, чтобы присмотреть за квартирой, не так ли?

Денис

— Да, все верно.

Эмилия

— Стоп, что? Вы собираетесь переезжать? Но почему?

Лилия

— Мы еще не решили, к тому же речь сейчас не об этом, Эм.

Давай мы узнаем, может этот человек согласится, чтобы

ты пожила в его квартире, хотя бы первое время, я уверена, что для такой девушки как ты у нас получится выбить скидку.

Денис

— Лиль, не торопись. Пусть Эм все обдумает, по крайней мере у нее есть еще месяц, чтобы принять решение, может быть она захочет решить все сама, без нашего участия. Эм, я думаю мы вернемся к этому вопросу как только ты придешь в себя, если это и вправду тебя заинтересует, я узнаю, насколько информация актуальна.

Эмилия

— Спасибо, я подумаю над этим предложением, а теперь давайте, пожалуйста, закажем еды, я умираю с голоду и, если честно, мне очень хочется напиться...

Денис

— С радостью!

Лилия

— А вот и наша Эмилия! Заказывай!

Суббота. 12 июля.

За восемь лет я привык, что в этой квартире живут другие люди.

Мы редко виделись. Деньги приходили вовремя, о мелких поломках мне обычно сообщали уже после того, как все починили. Иногда я приезжал проверить что-нибудь серьезнее и каждый раз замечал небольшие изменения: новый коврик в прихожей, другой чайник, детские фотографии на холодильнике. Месяц назад жильцы позвонили и сказали, что купили собственную квартиру. Я поздравил их. Договорились, что съедут к середине июля. Теперь в прихожей стояли последние сумки.

— Кажется, все, — сказала женщина, заглядывая в комнату. — Хотя я наверняка что-нибудь забыла. Восемь лет все-таки.

Ее муж вынес к машине коробку. Она осталась показать мне квитанции и предупредить о розетке возле окна.

— Мастер сказал, нужно менять. Мы ей не пользовались.

— Хорошо, посмотрю.

Она положила на стол два комплекта ключей, а потом вспомнила про цветочный горшок на кухне.

— Его забрать?

— Если нужен, забирайте.

Она подошла к окну, посмотрела на пустой горшок и мах-

нула рукой.

— Можно оставим? У нас их еще целая коробка.

— Конечно.

Мы прошли по квартире. Я проверил счетчики, записал показания. Все было чисто, мебель стояла на своих местах. На стене возле шкафа остались небольшие следы от детских наклеек, женщина провела по ним ладонью.

— Я пыталась отмыть. Боюсь, вместе с обоями снимется.

— Не трогайте. Ничего страшного.

Она улыбнулась, но все равно еще раз посмотрела на стену.

У двери мы пожелали друг другу удачи. Я помог донести последнюю сумку и вернулся наверх, без вещей квартира казалась больше. Я прошел на кухню, открыл окно и сел за стол. Раньше аренда почти целиком уходила на ипотеку за мое нынешнее жилье. Теперь кредит был закрыт, и торопиться с новыми жильцами не требовалось. На секунду я подумал, что можно вообще ничего не делать. Оставить квартиру пустой, позже решить, нужен ли ремонт, но мне не хотелось снова приезжать сюда только затем, чтобы проверить окна и снять показания счетчиков, поэтому я достал телефон и сделал несколько фотографий: кухню, комнату, шкаф, ванную. В общий чат бывших студентов политеха давно почти не заглядывал. Там поздравляли друг друга с праздниками, искали специалистов и иногда предлагали работу. Я пролистал последние сообщения и написал: «Всем привет. Осво-

бодилась квартира, сдаю надолго. Если кто-то ищет для себя или знакомых – пишите в личные сообщения. Фото прикрепляю». Указал район, стоимость и номер телефона. Несколько секунд смотрел на текст, потом отправил. Почти сразу кто-то спросил про парковку. Я ответил. Еще один человек поставил значок поднятого большого пальца. На этом все. Я убрал телефон, закрыл окно и забрал со стола ключи.

Суббота. 19 июля. Эмилия

Страхнув с плеч пыль, поднятую уходящим автобусом, я остановилась перед дверью детского центра. Стеклопанная дверь была той же самой, что и вчера. И неделю назад. И год назад. За ней все было привычным: светлый холл, детские рисунки на стенах, запах краски, бумаги и свежей выпечки из столовой. Изменилось только одно. И это была я.

Пальцы легли на холодную ручку, но так и не нажали. Я стояла неподвижно, будто за этой дверью меня ждал не кабинет директора, а приговор.

Прошла минута.

Потом еще одна.

Я сделала шаг назад, глубоко вдохнула, снова подошла к двери.

Сердце колотилось так громко, что мне казалось, его слышно на всей улице.

«Зайди.»

«Нет.»

«Еще немного.»

Наверное, прошло минут десять, прежде чем я наконец заставила себя войти.

— Лидия Антоновна, здравствуйте! Вы прекрасно выглядите!

Она подняла голову от документов и сразу улыбнулась.

Стало тепло. По-настоящему. Так улыбаются только люди, рядом с которыми всегда становится спокойнее.

— Эмилия... Моя хорошая.

Она сняла очки и внимательно посмотрела на меня.

— Какими судьбами? Сегодня же выходной. Что случилось?

Я открыла рот, но ничего не смогла сказать. Все слова, которые я репетировала по дороге, рассыпались. Я опустила взгляд на свои руки. Они дрожали.

— Лидия Антоновна... Вы знаете... сколько всего для меня значит этот центр...

Голос предательски сорвался. Я сглотнула.

— Я очень долго пыталась принять другое решение... правда пыталась...

Еще одна пауза.

— Но... я увольняюсь.

В кабинете стало так тихо, что я услышала, как за окном кто-то смеется на детской площадке. Лидия Антоновна ничего не сказала. Просто смотрела на меня. Не осуждая, не

удивляясь. И именно это молчание оказалось страшнее любого упрека. Мне хотелось оправдаться. Сказать, что я устала, что больше не могу, что последние месяцы живу будто с огромным камнем внутри, что я больше не могу приходить сюда и делать вид, будто во мне еще осталось что-то, чем можно согреть чужих детей.

Но ни одно из этих слов не вырвалось наружу. Мне вдруг стало мучительно стыдно, словно я бросала не работу, а семью.

Лидия Антоновна медленно положила очки на стол и устало улыбнулась.

— Знаешь... когда ты впервые переступила порог этого центра, я сразу поняла, что ты останешься надолго.

Она слегка покачала головой.

— А потом я стала думать, что однажды ты займешь мое место.

У меня защемило где-то под ребрами.

— Эмилия... ты всегда была человеком, который слишком много отдавал другим.

Она ненадолго замолчала.

— Поэтому я совсем не сержусь. Наоборот. Я рада, что однажды ты наконец решила выбрать себя.

Я почувствовала, как к глазам подступили слезы.

— Простите...

— Нет.

Она мягко остановила меня.

— Не извиняйся.

— Если человек приходит увольняться со слезами на глазах – значит, он уходит не потому, что разлюбил свою работу. Значит... он просто больше не может.

Она открыла верхний ящик стола.

Достала белый лист и молча протянула мне.

Я машинально взяла его. Первые строки были заполнены медицинскими терминами. Я не понимала ни слова, пока взгляд не зацепился за последнюю строчку.

Колоректальный рак. I стадия.

Время остановилось. Я перечитала диагноз. Еще раз. Еще. Буквы не складывались в смысл, будто мой мозг отчаянно пытался отказаться понимать написанное.

— Нет.

Это слово само сорвалось с губ.

Я подняла на нее глаза. Она сидела спокойно. Слишком спокойно: как человек, который уже выплакал все свои слезы.

— Я мечтала передать центр тебе.

Ее голос был тихим, но твердым.

— Правда мечтала.

Она посмотрела куда-то в окно.

— Но жизнь... решила иначе.

Мне стало нечем дышать.

— Нет... Подождите...

Я почти вскочила со стула.

— Это же первая стадия... Мы найдем врача. Найдем лучших специалистов. Поедем куда угодно. За границу. Мы обязательно...

— Эмилия.

Она произнесла мое имя так спокойно, что я сразу замолчала.

— Не надо.

Она улыбнулась. И эта улыбка разбила меня окончательно.

— Пока у меня есть силы, я буду приходить сюда. Пока смогу ходить – буду работать. Потом... найдем нового воспитателя.

— И нового директора.

Я отрицательно покачала головой.

— Нет...

— Такова жизнь.

Она молча подвинула ко мне заявление об увольнении. Ручка лежала поверх бумаги, я смотрела на нее так, словно это был самый тяжелый предмет на свете. Подписать заявление оказалось труднее, чем принять решение уйти. Чернила медленно выводили мое имя и с каждой буквой мне казалось, что я перечеркиваю целую часть своей жизни.

— Я еще приду...

Слова давались с трудом.

— Мне нужно забрать вещи... Попрощаться с детьми... И... если человеку, который придет вместо меня, понадобится-

ся помощь... пожалуйста... Позвольте мне помочь.

Лидия Антоновна только кивнула.

Когда дверь кабинета закрылась за моей спиной, я шла по коридору почти наощупь: детские рисунки, фотографии выпускников, расписание занятий – все было на своих местах.

Только мир уже никогда не станет прежним. Я вышла на улицу.

Свежий воздух ударил в лицо и только тогда я поняла, что все это время задерживала дыхание. Слезы наконец прорвались.

Я согнулась пополам, закрыла лицо ладонями и заплакала так, как не плакала уже много лет. Не потому, что потеряла работу, не потому, что впереди была неизвестность. А потому, что женщина, которая однажды научила меня снова верить людям... могла уйти из моей жизни. И я ничего, совершенно ничего не могла с этим сделать.

Всю дорогу домой город казался чужим. Люди куда-то спешили, смеялись, разговаривали по телефону. Мир продолжал жить так, словно ничего не произошло, а мой рухнул всего за одни сутки и почему-то именно тогда я впервые подумала, что, возможно, последние несколько дней были не самым тяжелым испытанием, возможно, это было только начало.

Глава 2

Пятница. 2 мая. Алексей

Денек выдался поистине тяжелым, сегодняшний проект, признаюсь честно, заставил меня изрядно потрудиться, поэтому к вечеру мне захотелось просто прогуляться и проветрить мозги, как обычно я это делаю после сложного рабочего дня.

Вот только сегодня я решил пойти по другому маршруту, недавно я посмотрел видеоролик о том, что мозгу иногда надо устраивать взбучку, чтобы открывались новые горизонты возможностей, ходить путями, которыми никогда не ходил, делать то, чего никогда не делал, в общем, просто совершать вещи, которые совершенно непривычны.

Собрав всю волю в кулак, я наметил маршрут вдоль парковой зоны до обычного кафе, на сегодня это был просто перевалочный пункт, место, в котором я остановлюсь во время прогулки.

На улице был жаркий день, поэтому, когда я дошел до кафе, моя футболка превратилась в мокрую тряпку, что ставило меня в неловкое положение, так как презентабельный вид заведения не совсем соответствовал моему образу. Я заказал холодный кофе, к моему сожалению, бариста, принимающий

заказ, заметил мой запыхавшийся вид и, когда отдавал мне напиток, сказал:

— Это поможет вам освежиться в такой жаркий день!

Не знаю, смутила ли меня его бестактность или от меня уже начало пахнуть потом так, что сложно было не заметить, поэтому, прочитав имя на бейдже, я просто и спокойно сказал:

— Вы правы, Евгений, пожалуй, сейчас это мое единственное спасение!

Мы немного посмеялись, и я продолжил свой путь, который проходил вдоль уже чуть более оживленной улицы.

Солнце начало садиться, поэтому город наполнялся прохожими с собаками и мамочками с колясками. Мне всегда нравилась романтическая атмосфера вечера, она была какой-то уютной, я бы сказал даже семейной. Это всегда погружало меня во времена, когда мы гуляли с родителями по территории вблизи нашего загородного дома. Как жаль, что те времена больше не вернуть. Порой я вспоминаю о случившемся десять лет назад и сердце обливается кровью. Как бы мне хотелось вновь услышать смех своей маленькой сестры, увидеть улыбку матери и выслушать строгие, но верные наставления отца. Та автокатастрофа забрала у меня не только мою семью, но еще и возможность иметь собственных детей. Поэтому, каждый раз, проходя мимо любящих друг друга пар с детьми, я предавался грустным мыслям, понимая, что у меня вряд ли когда-нибудь будет так же.

Пройдя еще немного, я остановился перед красивым зданием. Оно было выполнено в стиле классицизма девятнадцатого века, высокие колонны, строгая, но при этом лаконичная симметрия, античные мотивы... Я всегда интересовался архитектурой, но почему-то с этим ремеслом у меня так и не получилось подружиться. Подойдя чуть ближе, я увидел на воротах табличку «Центр социальной помощи семье и детям», раньше подобных заведений я никогда не видел и мне вдруг стало интересно, чем они занимаются. Я уже взял телефон, чтобы воспользоваться поисковиком, когда мое внимание привлекла девушка.

На вид ей было около тридцати. Невысокая, стройная, с мягкой осанкой. Она не была похожа на человека, который захватывал внимание яркой внешностью, напротив – создавала впечатление уступающей дорогу другим. Она двигалась спокойно, без лишней суеты. Лицо у нее было открытое, с тонкими, правильными чертами. Не идеальное, но живое. Я не совсем мог разглядеть ее глаза, но мне казалось, что во взгляде не было ни вызова, ни холодности – только тихая заинтересованность и какая-то необъяснимая грусть, которую замечаешь не сразу.

Волосы цвета темного меда мягкими волнами спадали на плечи, казалось, ей было важнее, чтобы все вокруг было в порядке, чем собственное отражение в зеркале.

Одета она была просто: светлая рубашка, удобные брюки, белые кеды. Без кричащих брендов, без желания произвести

впечатление. Все чистое, аккуратное, словно привычка к порядку давно стала частью ее самой.

Она часто улыбалась. Не широко и не громко, а едва заметно – так улыбаются люди, которые хотят, чтобы собеседнику было спокойно, даже когда улыбаться совсем не хочется.

Со стороны она казалась человеком, рядом с которым легко. Тем самым, кому рассказывают самое сокровенное уже через полчаса знакомства.

Сейчас она шла по территории, как я понял, к детской площадке, взяв под руки двоих детей – мальчика и девочку, которая несла под мышкой плюшевого зайца. Позади нее также тянулась небольшая вереница из ребят.

На секунду мне показалось, что внутри меня что-то зашевелилось и тут я поймал себя на мысли, что стою здесь уже минут десять как дурак, наблюдая за девушкой из детского центра. Поняв, что обо мне могло сложиться неправильное мнение у прохожих, я поспешил двинуться дальше в направлении к дому.

Понедельник. 21 июля. Эмилия

Не помню, когда в последний раз чувствовала себя настолько уставшей. Казалось бы, впереди больше не было ни ранних подъемов, ни бесконечных отчетов, ни необходимости держать в голове расписание десяти детей одновременно.

но. Я могла спать хоть до полудня, могла выключить телефон, могла вообще ничего не делать. Но в шесть утра я открыла глаза. Привычка оказалась сильнее перемен. Несколько секунд я лежала неподвижно, глядя в потолок, и пыталась понять, почему внутри поселилось знакомое тревожное чувство, будто я куда-то опаздываю. А потом вспомнила. Мне больше не нужно на работу. Странно, но легче от этой мысли не стало. Я перевернулась на другой бок и натянула одеяло почти до подбородка. Вчерашняя встреча с друзьями немного привела меня в чувство. На несколько часов мне действительно удалось забыть обо всем: о Марке, об увольнении, о необходимости искать новую квартиру, о Лидии Антоновне. Стоило вспомнить о ней, как сон окончательно исчез. Я закрыла глаза. Передо мной снова возник белый лист на ее столе и строчка, которую я тогда перечитывала снова и снова, словно от количества прочтений слова могли измениться. Колоректальный рак. I стадия. Первая. Я цеплялась за эту цифру все выходные. Первая – значит, рано обнаружили. Первая – значит, есть лечение. Первая – значит, все обязательно будет хорошо.

Я повторяла это себе столько раз, что фраза почти потеряла смысл. Наверное, сильнее всего меня мучило даже не известие о болезни, а собственное увольнение. Я понимала, насколько нелепо связывать эти две вещи. Я ведь не знала. Не могла знать.

И все равно где-то внутри сидело мерзкое чувство, будто

я выбрала самый неподходящий момент, чтобы уйти.

Хотелось вернуться, забрать заявление. Сказать Лидии Антоновне, что я передумала и останусь столько, сколько потребуется. И одновременно мне отчаянно хотелось никогда больше не переступать порог центра. От этой мысли стало стыдно. Я уткнулась лицом в подушку. В субботу я обещала себе начать жить для себя. Прошло меньше двух суток, а я уже думала о том, кому и чем могу помочь. Потрясающий прогресс, Эмилия. Я посмотрела на часы. 6:47. Еще минут тринадцать я честно пыталась убедить себя встать. Потом решила, что новая жизнь вполне может начаться в семь утра, и позволила себе полежать до сигнала будильника, которого больше не существовало.

В центр я все-таки поехала. Там оставались мои вещи и какие-то документы, о которых в день увольнения я совершенно забыла. К тому же я обещала помочь человеку, который придет на мое место. Новый воспитатель должен был выйти совсем скоро, и мысль о том, что кто-то впервые войдет в мою группу, совершенно не представляя, с кем имеет дело, почему-то не давала мне покоя. К Саше нужен особый подход, иначе он замыкается. Ксюша не ест рыбу и будет сидеть над тарелкой хоть до вечера, но ни за что сама об этом не скажет, а Рита начинает теребить ухо своего зайца, когда нервничает. В такие моменты ее лучше не спрашивать, нужно просто сесть рядом и подождать. Я знала о них сотни таких мелочей. Теперь все это предстояло узнать кому-то

другому. От этой мысли внутри образовалась странная пустота. Когда я вошла в центр, меня встретила непривычная тишина. Где-то далеко хлопнула дверь, со второго этажа доносились приглушенные голоса, но коридор передо мной был пуст. Я направилась к кабинету Лидии Антоновны. Наверное, какая-то часть меня надеялась увидеть ее там: за столом, в очках, среди вечного беспорядка из бумаг. Она бы подняла голову, улыбнулась и сказала что-нибудь совершенно будничное и тогда все произошедшее в субботу можно было бы хотя бы ненадолго принять за дурной сон. Я постучала. Ответа не последовало.

— Лидия Антоновна?

Тишина. Я осторожно открыла дверь. Кабинет был пуст. На спинке ее кресла висел светлый жакет, на подоконнике стояла недопитая бутылка воды, а посреди стола лежала записка. Сверху было написано мое имя. Я подошла ближе и взяла лист.

«Эмилия, я знала, что ты зайдешь. Я на реабилитации. Сейчас делами центра занимается мой заместитель, но сегодня она в управлении. Твои документы я оставила в папке на столе. Забери их. И не переживай. Со мной все хорошо». Последнюю строчку я перечитала дважды. Потом еще раз. «Со мной все хорошо» – Лидия Антоновна всегда так говорила. Даже в субботу, сидя напротив меня с диагнозом в руках, она успокаивала меня, хотя все должно было быть наоборот. Я медленно опустила записку.

— Она на реабилитации... — зачем-то произнесла я вслух. От собственного голоса стало еще хуже. Я стиснула зубы, пытаясь остановить подступившие слезы. Плакать здесь снова почему-то казалось неправильным. Будто стены центра и без того видели от меня достаточно за последние дни.

На столе лежали две папки. Я потянулась к верхней, решив, что Лидия Антоновна оставила мои документы там. Не мои. На первом листе не оказалось ни фотографии, ни имени — только несколько строчек резюме. Я не собиралась читать. Правда. Но взгляд уже успел зацепиться за заголовок: «Рассматривается на должность учителя труда». Ниже шло короткое описание:

Хорошо владеет ручным и электроинструментом. Имеет высшее техническое образование. Опыт работы в сфере управления. Хорошие навыки взаимодействия с людьми. Я нахмурилась. Учитель труда? Кажется, Лидия Антоновна ничего не говорила о том, что у нас появится еще один новый сотрудник. Я машинально хотела перевернуть страницу, чтобы посмотреть имя, но вовремя остановилась. Эмилия. Это вообще-то чужое резюме. Я закрыла папку. Любопытство — плохое оправдание для чтения документов, которые тебя совершенно не касаются. Моя папка лежала под ней. Я забрала ее, еще раз посмотрела на пустое кресло Лидии Антоновны и вышла из кабинета. В коридоре по-прежнему было тихо. Дети проводили утро на улице с другим воспитателем, поэтому впервые за много лет центр показался мне по-

что безжизненным. Без топота маленьких ног, без криков из одного конца коридора в другой, без вечного: «Эмилия, а он первый начал!» Я неожиданно улыбнулась. Совсем немного.

Наверное, именно по этому шуму я буду скучать больше всего.

Я направилась в учительскую собирать оставшиеся вещи.

Семь лет моей жизни должны были уместиться в одну картонную коробку. И почему-то только сейчас я окончательно поняла, что действительно ухожу.

Суббота. 19 июля. Марк

Я решил уйти утром. Наверное, привычка годами держать эмоции под замком не позволяла мне даже самому себе признаться в очевидном: сейчас мне хотелось выстрадаться. По-настоящему. Не прятать боль за привычной сдержанностью, не убеждать себя, что все происходящее – всего лишь временная пауза, после которой мы обязательно найдем способ вернуться друг к другу. Но я не хотел застать Эм врасплох. Не хотел проснуться рядом с ней и снова провести несколько часов в одной квартире, делая вид, будто между нами ничего не произошло. Ходить из комнаты в комнату, сталкиваться взглядами и тут же отводить глаза. Жить рядом, словно мы два совершенно незнакомых человека, которых когда-то случайно поселили под одной крышей. Поэтому я встал раньше нее.

В квартире было непривычно тихо. Я старался собирать-ся как можно осторожнее, почти бесшумно, словно любое движение могло разбудить не только Эмилию, но и ту жизнь, которая еще вчера казалась мне нашей. Я быстро сложил вещи, которые были нужны мне в первую очередь. Остальное решил забрать позже.

У двери я задержался на несколько секунд, оглядывая квартиру. Странное чувство. Еще вчера это место было моим домом. Сегодня я уже не был уверен, что имею право так его называть. Возле стены стоял старый комод, который я когда-то отреставрировал собственными руками. Дерево было потемневшим от времени, на боковой панели до сих пор оставалась едва заметная царапина, которую я так и не смог полностью убрать. Я долго над ним работал и почему-то всегда любил эту вещь больше остальных. Забирать его сейчас было бессмысленно. Да и физически он вряд ли поместился бы в мой старый «Фольксваген Поло». Я провел ладонью по его верхней панели.

— Останешься пока здесь, — тихо сказал я, сам не понимая, кому именно это говорю — комоду или самому себе.

Я достал из кармана небольшой листок бумаги и положил его сверху.

«Эм, я заберу комод чуть позже. Пока пусть остается у тебя.

Если тебе что-нибудь понадобится — звони

Р. S. Я подумал, что коту будет лучше с тобой. Марк».

Я перечитал записку несколько раз, прежде чем оставить ее. Наверное, это была самая нелепая записка в моей жизни. Несколько сухих строк, за которыми на самом деле хотелось написать совсем другое. «Я не хочу уходить». «Я все еще люблю тебя». «Пожалуйста, не дай нам закончиться вот так». Но я ничего этого не написал. Возможно, потому что иногда самые важные слова оказываются теми, которые мы так и не решаемся произнести.

Я взял сумку и вышел из квартиры. Закрыв за собой дверь, я несколько секунд просто стоял в подъезде, глядя на нее. Мне вдруг пришла в голову странная мысль: еще вчера за этой дверью была моя жизнь. Сегодня – только воспоминание о ней. Я спустился вниз, сел в машину и завел двигатель. Дорога до квартиры сестры должна была занять не больше двадцати минут, но в тот момент мне казалось, что я еду куда-то гораздо дальше. Я думал только об одном: правильно ли я поступил?

Не погорячился ли? Может быть, мне действительно стоило дать Эм больше свободы. Может быть, я сам годами незаметно загонял нас в угол, откладывая то, что для нее давно стало важным. Может быть, в какой-то момент я перестал быть для нее человеком, рядом с которым хочется строить будущее, и превратился в еще одну проблему, от которой ей хотелось избавиться. Я не знал. Мыслей было слишком много, и каждая новая только сильнее запутывала предыдущую.

За окном медленно просыпался город. Люди спешили по

своим делам, открывались магазины, кто-то вел детей на занятия, кто-то торопился на работу. Мир продолжал жить своей обычной жизнью, словно ничего не произошло, а у меня было ощущение, будто кто-то нажал кнопку сброса. Будто теперь мне снова предстояло учиться жить с самого начала.

Правда, одно у меня все-таки осталось – работа. И, пожалуй, именно в нее я сейчас хотел уйти с головой. Мне нужны были руки, занятые делом, телефон, который звонил бы по рабочим вопросам, проекты, сроки, чужие проблемы – что угодно, лишь бы хотя бы ненадолго перестать думать об Эм. Я понимал, что несколько дней ничего не изменят, но, может быть, время изменит нас. Может быть, когда первые эмоции улягутся, мы наконец сможем посмотреть друг на друга без обиды и усталости. Может быть, мы поймем, что сделали слишком поспешный шаг. А может, наоборот, поймем, что он был необходим.

Я не знал, что нас ждет дальше, но почему-то все еще верил: если дать нам немного воздуха, если перестать душить друг друга ожиданиями и страхами, однажды мы сможем вернуться к тому, что строили все эти годы. Не к прежней жизни, а к чему-то новому. Я хотел в это верить.

Пятница. 19 сентября.

В городе продолжают поиски пропавшей девочки

Вчера вечером в полицию поступило заявление об исчезновении семилетней Риты К., воспитанницы местного центра социальной помощи семье и детям.

По словам сотрудников учреждения, девочка должна была находиться дома вместе с матерью, однако вечером выяснилось, что ребенка нет.

Рита пропала вместе со своим любимым плюшевым зайцем, с которым практически никогда не расставалась.

В настоящий момент сотрудники полиции устанавливают обстоятельства исчезновения и опрашивают родственников, сотрудников детского центра и людей, которые могли видеть девочку в день ее пропажи. Поисковые мероприятия продолжаются.

Всех, кто обладает какой-либо информацией о местонахождении ребенка, просят обратиться в полицию.

На данный момент других подробностей следствие не сообщает.